

В станице звали его Григорием

СОВЕТСКИЙ ПУБЛИЦИСТ
Г. МОСКВА

16 МАЯ 1986

Неисповедима актерская судьба. Да, наверное, как и жизненный путь любого человека. Выпадет иному актеру жребий: встретится он со своей «звездной» ролью, которая и жизненно, и художественно так впору ему придется, так нерасторжимо сольется с ним, что все другие его создания невольно станешь мерить ею. Но, может быть, не очень-то и справедливо подобное измерение, может быть, не такой уж он и счастливый, этот жребий? Помню, как Борис Петрович Чирков не без грусти признавался: мол, до старости оставался для зрителей Максимом — героем знаменитой киносериологии. А кто, как не легендарный Чапаев, сразу же вырастает перед глазами, как только речь заходит о Борисе Андреевиче Бабочкине?.. И все же есть своя «положительная сторона» в том, что образ народного героя, «оживленный» экраном, миллионы людей воспринимают реальным человеком, близким и дорогим. И помнят его люди долго, и никаким другим не представляют, и сопереживают ему. Нечасто так случается, немногих актеров «метит» такая роль, и уже в том, что немногих, — толика актерского счастья, трудного и прекрасного.

В киносериологии народного артиста СССР Петра Петровича Глебова более тридцати ролей. Много среди них по-настоящему интересных, ярких и неожиданно разных. Вряд ли «уживутся» друг с другом его герои, если их собрать вместе — настолько мало порой точек соприкосновения в их натурах, характерах, убеждениях. А ему, актеру, оказалось по силам быть убедительным и в образах людей, всеми своими силами и делами отстаивающих завоевания Советской власти, и непримиримых, злобных ее врагов, он сумел достоверно передать с экрана сжигающую душу зависть Сальери и мудрость, нравственную чистоту скромного русского крестьянина из фильма «Мужики»...

Но какими бы удачными ни были эти роли Глебова, как бы высоко мы их ни оценивали, в памяти многих самой главной его ролью осталась эта — Григорий Мелехов. Именно с нее началась для Петра Петровича работа в кино. И как же напряженно, бурно она началась, что до сей поры ни время, ни вереницы последующих ролей не расплескали в нем ощущения, будто вовсе это была и не работа, а часть собственной жизни. Он и говорит-то о Григории то ли как о брате, то ли о заветном друге, то ли о себе самом. И в глазах его загораются какие-то бесовские искры, словно вот-вот взлетит он на коня и помчится с пашкой наголо.

— Эта роль действительно вошла в мою плоть и кровь. Да что вспоминать... — Петр Петрович мурмурит, но сдержанно нахлынувшие воспоминания ему, видно, уже трудно. — Все здесь сошлось: и большая литература, и прекрасный режиссер Сергей Герасимов, и образ потрясающей силы — такое выпадает актеру, наверное, раз в жизни. И забыть это просто невозможно. Как же мы работали! Снимали картину полтора года, и почти все

время не декорации нас окружали, а настоящая донская природа, быт казаков, и жила не в гостиничном номере, а в станице, в хате на берегу реки, и конь во дворе — скачи, куда хочешь... Моего имени-то настоящего там, думаю, не знали — все величали Гришкой. Местные жители принимали самое живое участие в съемках — открывались сундуки, извлекались из них старые костюмы, платки да шали, все, что могло нам пригодиться. При этом они с готовностью объясняли, как одеж-

ду носили. А какими историями о давнем житье-бытье завораживали нас старики, какие мы слушали песни и пели... Необыкновенно легко мне работалось. Словно не съемки были, а поток жизни, и не в сценах или эпизодах я участвовал — такие слова и произносить-то не хочется, — а как бы «выполнял» кусочки жизни Григория, и их фиксировал киноаппарат.

Конечно, чтобы достоверно «выполнить» на экране чужую жизнь, тем более человека такого незаурядного, яркого, страстного, моментами противоречивого, мятущегося, но наделенного большим сердцем, через ошибки, страдания на собственном горбу вынесшего понимание необходимости новой жизни, актеру недостаточно лишь благоприятной атмосферы. И хорошей школы актерской тоже недостаточно. Ведь атмосферу надо почувствовать, впитать в себя, а накопленным актерским багажом уметь правильно распорядиться. Тут выйдут только актер несомненно талантливым и жизнь знающий «изнутри». В Петре Глебове все это как раз случилось и соединилось. Ему было откуда черпать жизненные впечатления, навыки.

...Больше всего на свете он любил природу. И лошадей. Детство его в подмосковной деревне Дарьино — чудная пора приволья, влюбленности в лес, росистые травы, во все, что летало-порхало вокруг — тетерева подходили бесстрашно чуть ли не к порогу... И не замечалось: пять километров до школы, а сапожки протекают. То-то радость: как только снег стает, обувки долгой а — босиком до новых холодов. А с каким наслаждением гонял он в ночное лошадей, запрягал их в распрягал... Только среди природы и представлял он, младший из пяти братьев, свою будущую жизнь и работу. Семья переехала в Москву, а Петра город несколько не тянул, потому и пошел он учиться в мелiorативно-до-

рожный техникум. Когда получил диплом, стал работать в Воронежской области, на речке Богучарке.

Тут-то и совершила судьба Петра Глебова необычайный по крутости вираж. Зазвала домой тоска по матери и братьям, и больше этого дома он уже не покинул. Его брат, Григорий, помогал тогда К. С. Станиславскому организовывать оперно-драматическую студию. Памятуя о комических способностях Петра, раскрывшихся в забавных детских спектаклях, которые Григорий устраивал прямо на полянах, он и посоветовал младшему брату попробовать поступить в студию. До слез смеялись в приемной комиссии, когда Петр на полном серьезе, «в лицах» проиграл разговор Чичикова с Собакевичем, заученный с пластинки, с голосов Тарханова и Топоркова...

Знаменитые мастера сцены М. Кедров, Л. Леонидов, О. Андровская, М. Яншин, М. Лилина, В. Орлов вели занятия со студийцами, но самый глубокий след оставили в душе Петра Глебова уроки Станиславского.

— Константин Сергеевич считал: чем дольше мы будем оставаться детьми, чем дольше сохраним непосредственность, естественность, наивность в хорошем смысле — тем лучше, — рассказывает Петр Петрович. — Он не признавал, боялся штампов, отработанных приемов, внешнего показа своего состояния. Не форма, а содержание, жизнь человеческого духа — вот драгоценность актерского труда.

Уже после смерти учителя группа студийцев, в том числе и Петр Глебов, составила костяк нового драматического театра имени К. С. Станиславского — им не терпелось воплотить на практике то, чему их учили. Не было поначалу своего помещения, и молодые актеры играли в клубах, а открывался театр в Доме культуры «Правды» спектаклем «Три сестры» в постановке М. Кедрова в 1941 году...

Только через четыре года вернулся Петр Петрович к своему любимому мирному делу. А казалось: вечность прошла с того дня, когда попросился он добровольцем в армию и встал у зенитного орудия на защиту Москвы. Остались позади бессонные ночи, черные шлейфы падающих самолетов... Не раз еще придется ему потом участвовать в боях, носить военную форму. И хотя это случится всего лишь на съемочной площадке, он так же, как и тогда, пол Москвой, будет верить: от настоящего врага он защищает Родину и знает, на чьей стороне правда.

Всем существом своим верить в то, что изображаешь, — этому учил его Станиславский, и постигнуть это помогло ему отношение к жизни, понимание ее. Потому что в какие бы высокие должности и пышные одежды ролей ни «рядила» его профессия, человеческое существо актера всегда оставалось прежним, его тянуло к нехитрым, естественным заботам — косить сено, управлять с лошадью и плугом, растить детей, а теперь еще и внуков. И не смог бы он жить, не замечая красоты земли, добра в человеке.

Т. ИСАКОВА.